

— В сентябре 2103 года мир изменился.

В тот день на пляж Золотых Костей, находившийся под юрисдикцией Главного города Лунвэй, вышли неизвестные существа. У них не было ни половых признаков, ни лиц, ни привычных конечностей — лишь содрогающиеся глыбы плоти, внушающие первобытный ужас. Сразу после высадки они проявили крайнюю агрессивность по отношению к людям. Меньше чем за сутки монстры растерзали около двухсот человек, хотя их самих было не более двадцати. Оружием им служили мускулистые отростки, похожие на щупальца. Поначалу у них не было ни зубов, ни когтей, ни панцирей, но одного удара их туш хватало, чтобы пробить броню танка, а уж превратить человеческое тело в кровавое месиво и вовсе не составляло труда. Говорили, что если бы удалось собрать воедино останки всех сожранных ими жертв, ими можно было бы засыпать всё прибрежное море Лунвэя.

За один только месяц столкновений с регулярными войсками эти таинственные убийцы претерпели пугающую метаморфозу: у них начали формироваться некие подобию органов. У одних это была чешуя, как у рептилий, у других — крылья, способные рассекать сам воздух, у третьих — гигантские шипастые щупальца. Они копировали черты всех известных земных видов, порой сочетая их в одном теле — хаотично, уродливо и в то же время с пугающей точностью.

Это зрелище вдребезги разбило все научные теории. Человечество, столкнувшись с монстрами, превосходящими любые границы воображения, дрогнуло и начало отступать. В октябре того же года линия обороны Золотых Костей пала, и твари хлынули вглубь материка. Вскоре они появились на побережьях всех городов мира. 4 апреля 2104 года Высший исследовательский институт Лунвэя получил пятьдесят второй образец для вскрытия и дал этим существам имя, прозвучавшее как проклятие: «Кракен» (Kraken).

Лишь в марте прошлого года, с принятием «Стратегии Ковчег», наши успехи в этой борьбе начали расти. Но до тех пор, пока эти кровожадные бестии существуют, беспощадная королевская битва, в которую втянуты миллиарды людей, не закончится.

...Теперь я часто задаюсь вопросом: не была ли эта катастрофа инструментом самого Создателя, решившего стереть человечество с лица земли? Сегодня те, кто мог бы ответить, уже погрузились в вечный сон. Мне жаль, что в моих руках эта информация не обладает и малой долей той силы, которой владела она. Возможно, когда я и сам отправлюсь в мир иной, я смогу получить все объяснения от призраков...

В одном ты оказалась права: тогда тебе никто не поверил, и доказать это было невозможно. Но ещё в прошлом веке «человек» перестал быть хозяином пищевой цепочки.

— Декабрь 2106 года, запись оставлена в Могиле исследователей.

Когда я снова открыл глаза, всё тело пронзила такая боль, будто по мне несколько раз проехался тяжелый грузовик.

Над головой висело давно позабытое небо. Серое, затянутое пеленой мелкого дождя, оно дышало гарью и сырой землей. Грязно-серые тучи громоздились друг на друга, и одна из них по форме пугающе напоминала ту самую дыру в потолке, сквозь которую я смотрел. Облака плыли перед глазами, то превращаясь в падающие глыбы камня, то в извивающиеся щупальца «той штуки».

«Природа всё-таки удивительна», — отстраненно подумал я.

Я лежал среди руин, вперемешку с арматурой и обломками бетона, точно мертвец. Холодные капли дождя, просачиваясь сквозь пролом, методично били по лицу, помогая сознанию вынырнуть из небытия. Чувства возвращались неохотно. В голове царил хаос — казалось, я посмотрел десяток безумных снов разом. Почувствовав странный холод на макушке, я коснулся головы и отдернул руку: пальцы были измазаны в липкой, густой крови.

«...»

Я тупо уставился на ладонь. Наконец осознание произошедшего ударило в мозг, и я резко дернулся, пытаясь сесть. Каждое движение отзывалось вспышкой боли. Я судорожно вздохнул, чувствуя, как что-то сжимает горло, и, закашлявшись, выплюнул сгусток запекшейся крови. Опираясь на искореженные куски стали, я кое-как поднялся на ноги. Память возвращалась обрывками, рассыпаясь по закоулкам разума. Я огляделся. Вокруг царила мертвая тишина — по крайней мере, сейчас здесь было безопасно. Найдя более-менее скрытое место, я привалился к стене, пытаясь восстановить события перед тем, как тьма поглотила меня.

Я столкнулся с этой тварью — Кракеном. В подземелье, на втором этаже убежища.

Не знаю, откуда оно взялось. Когда я его заметил, оно уже выползло из комнаты. Существо не казалось огромным, но его форму было не разобрать в полумраке... Коготь. Да, этот острый коготь потянулся ко мне, и тогда...

Я отреагировал так же, как и любой другой на моем месте: бросился наутек.

Смерть в ожидании или смерть в бегах — разницы, по сути, никакой. Но в критический момент инстинкты решили всё за меня. Я бежал сломя голову, без цели, без плана, просто стремясь оказаться как можно дальше от этого воплощения моего самого глубокого кошмара. А потом... в самом конце коридора я обо что-то споткнулся. Колени подогнулись, силы разом оставили меня. И когда я поднял голову, тварь была уже за спиной. В считанных сантиметрах.

В тот миг, когда я увидел её, в памяти всплыл обрывок прошлого. Может, репортаж из новостей, а может, одна из рассекреченных сводок Главного города.

Накануне инцидента в Золотых Костях на берегу внезапно объявился житель, пропавший больше месяца назад. Какое-то время он жил обычной жизнью с семьей и друзьями, но через полгода его жена сошла с ума. Она рыдала, указывая на него, и твердила одно и то же:

«Это не мой муж!»

Человек, которого она обвиняла, спокойно смотрел на неё сквозь толпу перешептывающихся людей. А мгновение спустя он улыбнулся. Улыбка становилась всё шире, пока рот не разорвался до самых ушей. Его конечности начали удлиняться и распухать, глаза выкатились из орбит и окровавленными мешками повисли на лице. Это существо, у которого тогда ещё не было имени, легким движением «руки» просто снесло голову ближайшему к нему человеку.

Так всё и началось.

И в тот момент передо мной предстало нечто подобное. Туловище твари содрогалось в аритмичных конвульсиях, на бесформенной массе мяса разошлись три щели. Две из них стали подобием глаз. Третья — на месте рта — растягивалась всё шире, пока не превратилась в беззубую багровую пасть.

Дальнейшее напоминало дурной сон.

Чудовище извивалось, и каждая черта его новорожденного лица (если это месиво можно было так назвать) пульсировала в жутком танце, уничтожая остатки моего рассудка. Я хотел бежать. Даже тогда я думал только о спасении. Плевать на всё — я пополз, почти на карачках, к выходу из тоннеля, но через пару шагов меня что-то остановило. Какая-то сила потянула меня назад. Я в ужасе обернулся и увидел, что мое предплечье зажато в мертвой хватке. Это было похоже на стальные клещи, но, присмотревшись, я понял — это была рука.

Кракен шевельнул своими свежевывросшими губами и, издав невнятный, скрипучий звук, выдавил первый слог:

— При... вет.

На этом воспоминания обрываются. Остался лишь парализующий ужас, выжженный где-то на подкорке. Все попытки копнуть глубже были сродни попыткам выбраться из зыбучих песков — чем больше усилий, тем глубже засасывает тьма. Я обхватил голову руками, тщетно пытаюсь вспомнить хоть что-то ещё, но в итоге сдался. Нужно было решать насущные проблемы.

— Для начала... не знаю как, но я выжил. Состояние... ну, допустим, терпимое. Руки-ноги на месте, тяжелых ран вроде нет... — пробормотал я под нос. Когда пульсирующая боль в висках немного утихла, я осторожно выбрался из своего укрытия. — Я всё ещё в убежище. Потолок пробит, пол-этажа в руинах. Похоже, дело рук той твари. Это у нас... ага.

Я оказался на первом этаже экстренного подземного убежища. Вот почему небо казалось так близко. Но ведь перед обмороком я точно был на втором.

Послonyaвшись вокруг и не найдя ничего полезного, я решил вернуться в свою комнату. У самого входа в тоннель я споткнулся. Взгляд упал на то, что лежало под ногами. Иссохший труп, черты которого уже невозможно было разобрать. А может, то, что я его не узнал, было актом милосердия со стороны судьбы.

Мне вспомнился случай из прошлого. Несколько месяцев назад я выходил наружу. Тогда город уже начал превращаться в руины, но не был таким мертвенно-пустым. На огромном парящем экране в торговом квартале, как всегда, крутилось объявление властей: «Просим жителей сохранять спокойствие и ожидать спасения в убежищах». Слово «спасение» позже стало нечитаемым — в тот самый день скользящая тень пронеслась над крышей и буквально впечатала человека в эти буквы.

Всё произошло слишком быстро. Никто даже не понял, что случилось. Те, кто был рядом, слышали лишь странный хруст и короткий, оборванный вскрик. Утром на том месте осталось только бурое пятно. Через несколько дней солнце и ветер стерли и его. Лишь размазанная кровь на слове «спасение» служила немым свидетельством того, что здесь кто-то жил и кто-то умер. Осталась ли она там до сих пор?

С тяжелым сердцем я поднялся на второй этаж, и тут до меня дошло — комнаты больше нет. Стены коридора были испещрены трещинами и вмятинами, под ногами хрустел перемолотый мусор. Там, где была моя дверь, теперь громоздились обломки — неоспоримое доказательство визита Кракена. По крайней мере, на втором этаже потолок был цел. Раньше этот сумрак дарил мне иллюзию безопасности, но теперь бетонные своды давили на меня, не давая вздохнуть.

И именно в этот момент в голове родилась мысль, которая мгновенно вытеснила всё остальное.

Разрушенная комната, тесная и душная, теперь казалась обломками треснувшего панциря. Семь месяцев я прятался там, отказываясь смотреть в глаза реальности, боясь любых перемен. Я думал, что моё сознание умрет первым, но сегодня, столкнувшись с ужасом лицом к лицу, я осознал: та струна, что держала меня, лопнула, а я всё ещё дышу... И, более того, я хочу жить.

Я хочу уйти отсюда.

Как только эта мысль обрела форму, я начал действовать с поразительной для себя скоростью. Весь остаток дня я потратил на сборы. В руинах комнаты удалось отыскать почти неповрежденный терминал — настоящее чудо — и несколько уцелевших банок консервов. Запихивая скудные припасы в рюкзак, я внезапно вспомнил об одной важной вещи.

— Точно... ещё же это.

Под обломками кровати, развалившейся на части, я нашел ящик с инструментами, который таскал на практику. Сам ящик развалился, но инструменты уцелели. Я рассовал их по карманам поясной сумки, плотно затянув её на талии. Чутье подсказывало, что они мне ещё пригодятся. Закончив со сборами, я набросал примерный маршрут до границы города и провел последнюю ночь в углу своей разрушенной конуры.

На следующее утро дождь стих. Перед уходом я заколебался, но всё же подошел и постучал в дверь напротив. Тот мужчина, который вместе со мной видел Кракена, должен был быть там. Не знаю, как он уцелел, но раз в этой бетонной могиле кто-то ещё дышит — это уже неплохо. Вчера, когда я копался в руинах, он снова наблюдал за мной в щель, чем изрядно меня напугал.

Откашлявшись, я обратился к первому живому человеку за долгое время:

— Добрый день. Простите, можно вас на пару слов?

В коридоре повисла тишина. Лишь спустя вечность за дверью раздался дрожащий от паники голос:

— Ч-что тебе нужно?

— Извините, я без злых намерений, — я прижался к дверному полотну. — Вы ведь господин Хэнк? Я Лянь Шэн, мы вместе сюда попали. Живу напротив. Хотел спросить кое-что...

— О чем спросить? — в его голосе сквозило крайнее недоверие.

— О том... что случилось вчера. Вы ведь тоже были там. Скажите, вы видели потом...

— Я ничего не знаю! — внезапно закричал он. — Ничего я не видел! Я... я только видел, как твоя дверь открылась... и сразу закрылся! Я ничего не знаю, не спрашивай меня больше!

В его крике было столько боли и надлома, что я мгновенно осекся:

— Простите! Забудьте, я не хотел вас волновать.

Последняя ниточка к моим воспоминаниям оборвалась. Помолчав, я снова негромко постучал:

— Вы не думали о том, чтобы уйти отсюда? Я собираюсь уходить. Если мы объединимся, шансов будет больше...

Мужчина не ответил. Через минуту дверь медленно приоткрылась, оставаясь на цепочке. В

щели показалось бледное лицо:

— Уйти?

— Да, — твердо сказал я. — Уйти отсюда. Покинуть Мортон.

Не успел я договорить, как дверь с грохотом захлопнулась перед моим носом.

— ...Что ж, — я вытер пыль, осевшую на переносице, и пробормотал: — Прощайте, господин Хэнк.

В мае 2110 года я закончил семимесячное добровольное заточение и в одиночку отправился в путь. Город стал ещё тише — настоящая обитель смерти. Повсюду царило запустение. Прежние небоскребы превратились в скелеты из бетона, на дорогах чернели пятна засохшей крови, а в воздухе застыла вонь гари и гниющего мусора.

Исходя из ситуации, мой план был предельно прост. Крах цивилизации начался с береговой линии и неумолимо полз вглубь континента. Другие города вокруг южного Мортон уже пали. Из того, что мне было известно, только в городе Циньфан всё ещё держали оборону. Полгода назад там даже наладили прямую капсульную линию до Главного города. Прошло много времени, но я надеялся, что этот оплот ещё стоит. Если где-то и можно было найти спасение, то только там. Чтобы добраться до Циньфана, мне нужно было пересечь южную часть города, а затем миновать северную. Это был единственный путь.

К сожалению, хотя карты в терминале всё ещё отображали улицы, без подключения к сети они не могли показать степень разрушений. Стычки войск с Кракенами превратили целые кварталы в груды щебня, и планировка города изменилась до неузнаваемости. Следовать маршруту в точности было невозможно.

Долгое время единственными живыми существами, которых я встречал, были мутировавшие крысы. Кажется, их теперь в Мортоне больше, чем людей. Но мне везло: монстры не попадались на глаза, и в куче руин я сумел отыскать узел-вход в подземный тоннель, который ещё не завалило. Эти узлы вели в сеть подземных коридоров, пронизывающих весь город — пути эвакуации, чьи люки были вмонтированы прямо в мостовую.

В этих тоннелях через каждые несколько километров располагались якорные точки — места взлета спасательных капсул. Идея была в том, чтобы эвакуировать максимум людей с минимумом потерь. Но на практике система оказалась одноразовой: она работала лишь в самом начале вторжения, после чего оборудование уничтожалось в ходе боев. Я, попавший в списки на эвакуацию последним, в своё время не увидел даже тени этих капсул — город пал слишком быстро.

И вот теперь удача наконец повернулась ко мне лицом. Я вскрыл вход и спрыгнул вниз. На поверхности всегда опаснее, чем под землей. Если этот тоннель не обрушен где-то впереди, я

смогу пересечь весь Южный город по прямой. Несмотря на то, что в такое везение верилось с трудом, в душе затеплилась робкая надежда.

Надежда — коварная штука, она часто заманивает в ловушку несбыточных иллюзий. Белая полоса закончилась быстро. На исходе четвертого дня после ухода из убежища я, шатаясь от усталости, шел по подземному тоннелю и вдруг услышал за спиной тихий шорох. Я лишь тяжело вздохнул.

Уже два дня. За мной кто-то идет.

<http://bllate.org/book/17156/1644448>